

УДК 339

DOI: <https://doi.org/10.18454/VEPS.2017.1.5487>**Российско-корейские торгово-экономические отношения в конце XIX века*****Гибадуллин М.З.**

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры алтаистики и китаеведения
Казанского (Приволжского) федерального университета

Нуриева А.Р.

Кандидат экономических наук,
доцент кафедры территориальной экономики
Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена начальным этапам установления торгово-экономических связей между Россией и Кореей, дается оценка характеру взаимоотношений двух стран, анализируются причины «фиаско» попыток Российской империи закрепиться в Корее.

Ключевые слова: открытые торговые порты, таможенный тариф, торговый договор, торгово-экономические отношения.

Экономические санкции, введенные в отношении России традиционными партнерами нашей страны, актуализировали необходимость диверсификации вектора внешнеэкономического взаимодействия, поиска альтернативных возможностей для развития международных экономических связей. Государства зарубежного Дальнего Востока в этом отношении представляют для отечественных участников внешнеэкономической деятельности несомненный интерес. Особое внимание должно быть уделено развитию торгово-экономического взаимодействия с Республикой Корея.

Целью статьи является ретроспективный обзор начальных этапов установления торгово-экономических отношений России и Кореи во второй половине XIX в.

Установление официальных торгово-экономических отношений между Россией и Кореей произошло 25 июня (7 июля) 1884 г., когда дипломатические представители двух соседних государств (со стороны Российской империи К. Вебер, со стороны Кореи Кимъ-пенгъ-си) от имени своих правительств заключили «Договор о дружбе и торговле». Хотя русские власти предпринимали неоднократные попытки наладить

двухсторонние контакты и прежде, но все они разбивались о прочное нежелание соседнего государства выходить из самоизоляции. Лишь в последние десятилетия XIX в. сложились условия, которые позволили иностранным державам открыть «Страну утренней свежести» для своих экспансионистских устремлений. Сначала Япония (1876 г.), затем США (1882 г.), еще через год Англия и Германия принудили Государство Великий Чосон подписать выгодные для них торговые трактаты. В 1884 г. это сделала и Россия.

Российско-корейский договор 1884 г. демонстрировал установление мира и дружбы между соседними державами, подчеркивал их статус как равноправных участников в системе международных отношений и предусматривал установление постоянных дипломатических отношений между ними. Отметим попутно, что на позиции признания Кореи

* Данная работа осуществлялась при поддержке Программы по поддержке молодых специалистов в области корееведения через Министерство образования Республики Корея и Службы содействия развитию корееведения Академии корееведения (AKS-2016-INC-2230003). This work was supported by Seed Program for Korean Studies through the Ministry of Education of Republic of Korea and Korean Studies Promotion Service of The Academy of Korean Studies (AKS-2016-INC-2230003).

как независимого, суверенного государства стояли все западные державы, а не только Россия.

Следует, однако, принять во внимание, что, официально признавая правосубъектность корейского государства в международных делах, империалистические державы желали вывести Корею из под опеки Китая, вассалом которого она являлась на протяжении нескольких веков, и таким образом избавить себя в будущем от возможных дипломатических осложнений в связи с обоснованием легитимности подписанных документов.

Впрочем, признание сопредельного государства равноправным партнером не мешало русской дипломатии притязать на распространение своей юрисдикции в отношении русских подданных, совершивших преступления на территории Кореи. В частности, в статье III российско-корейского договора ограничивала правомочия корейских властей в отношении русских, совершивших правонарушения на территории страны. В ней отмечалось, что: «... русский подданный, учинивший в Корее какой-либо проступок или преступление, будет судиться и наказываться русскими властями и по русским законам» [3, с. 371]. При этом об аналогичном праве корейских властей в отношении корейских подданных, совершивших преступные деяния в пределах России, договор умалчивал. Правда, в Особом протоколе к договору российская сторона дала письменное обязательство отказаться в будущем от права экстерриториальности при условии, что корейское правительство проведет широкомасштабные судебные реформы.

О неравноправном характере российско-корейского договора 1884 г. в явной степени свидетельствуют статьи документа, определяющие экономические отношения двух государств. Хотя договаривающиеся стороны гарантировали подданным в пределах своих территориальных границ личную и имущественную неприкосновенность и покровительство, но это установление оказалось единственным взаимобязующим положением в тексте документа. Все остальные пункты договора свидетельствовали о принятии корейской стороной односторонних обязательств по отношению к интересам партнеров по переговорному процессу.

Особое значение для развития двухсторонних российско-корейских торгово-экономических отношений имела статья IV 4 договора «О дружбе и торговле» 1884 г., согласно которой Корея открывала для русской торговли порты Чемульпо, Генсань, Фусань, Сеул и Янь-хуа-цзинь. Во всех открытых портах подданные Российской империи получили право заниматься торговой и промышленной деятельностью без всяких ограничений, обзаводиться собственностью, в том числе приобретать недвижимость. Для русских поселений в Корее правительство страны выделяло специальные участки. На та-

ких спецпоселениях устанавливался особый режим налогообложения. Корейские власти, например, не могли по собственному усмотрению облагать иностранных поселенцев поземельным налогом, а только по согласованию с представителями соседней страны. Кроме того, налоговые поступления лишь частично передавались в распоряжение корейских властей, а большая доля их перечислялась в муниципальный фонд поселения [3, с. 373].

Товары, привезенные русскими купцами, могли свободно перемещаться по территории Кореи из одного открытого для торговли порта в другой, без дополнительного таможенного обложения.

К Договору прилагался таможенный тариф на предметы взаимной торговли. Он включал 196 наименований товаров, разрешенных к ввозу в Корею, из которых 32 товарные позиции (или 16 %) облагались таможенной пошлиной по тарифу 20 и более процентов; 40 товарных позиций (или 21 %) – по тарифу от 10 до 19 %; 113 товарных позиций (или 57 %) – по тарифу менее 10 %. Еще 11 товарных позиций (или 6 %) ввозились в Корею без всяких пошлин [3, с. 385-390]. Право беспошлинного ввоза было установлено для книг, медицинских инструментов, образцов новых изобретений, пожарных труб, растений и некоторых др. Устанавливался запрет на ввоз оружия, иностранной валюты, опиума.

Еще более либеральным можно считать таможенные ставки на экспортируемые из Кореи товары. Золото и золотая монета вывозилась из страны без таможенного обложения, все остальные товары облагались пятипроцентной ставкой таможенного сбора. Россия, несомненно, была заинтересована в низких экспортных пошлинах, обеспечивающих вывоз сырьевых ресурсов из сопредельной страны.

Таким образом, и Договор 1884 г., и прилагавшийся к нему таможенный тариф, введенный в отношениях между Россией и Кореей, имели поощрительный характер, создавали русским предпринимателям благоприятные условия для осуществления коммерческой деятельности и способствовали проникновению российского торгового капитала на корейский рынок.

Представители русской дипломатии не скрывали, что российско-корейский договор 1884 г. представлял из себя «кальку» с аналогичных договоров, заключенных с этой страной европейскими государствами чуть ранее. И как все подобные договоры, он ущемлял национальный суверенитет страны, не отвечал ее экономическим интересам.

Договор 1884 г. не затрагивал вопросы российско-корейской сухопутной торговли, хотя она, как справедливо отмечает Б.Б. Пак [1], имела для российских экономических интересов гораздо большее значение. Лишь через два года упущение, допущенное царской дипломатией, было восполнено подписанием «Правил для сухопутной торговли». До-

кумент устанавливал, что в дополнение к морским портам корейское правительство предоставляет русским подданным возможность вести свободную торговлю в городе Кенг-хонг. Сухопутная торговля регулировалась на тех же основаниях, что и морская. Тем не менее Соглашение 1888 г. в содержательном плане принципиально отличалось от Договора 1884 г. Оно устанавливало, что «...корейские подданные также могут свободно отправляться в Россию для торговых целей или для своего удовольствия и перевозить и продавать всякого рода товары, не запрещенные к ввозу в Россию, а равным образом покупать местные изделия» [3, с. 395].

С российской стороны подобного рода «уступка» корейским партнерам была продиктована прежде всего экономическими интересами самой России. Жители сопредельного государства принимали участие в продовольственном обеспечении региона российского Приамурья, поставляя на местные рынки скот, зерно и некоторые другие товары. По данным, приведенным в отчете К. Вебеля, через российско-корейскую границу в Южно-Уссурийский край ежегодно доставлялось более 9 тыс. голов рогатого скота (в 1887 г. – 9350 голов, в 1888 г. – 9600 голов) и до 12 тыс. пудов овса [2, с. 215-216].

Подписание российско-корейских торговых соглашений оказало оживляющее воздействие на развитие двухсторонней приграничной торговли. Но бурного роста товарооборота между двумя государствами не произошло. В 1888 г. объем российского экспорта в Корею едва превысил 1 млн. руб., а объем российского импорта находился в пределах 500 тыс. руб. Правда, почти все, что Россия продавала в Корею, представляло собой реэкспорт иностранных мануфактурных товаров.

Причины, которые не позволили Российской империи в полной мере воспользоваться выгодами, предоставленными ей Договорами 1884 и 1888 гг., можно резюмировать следующим образом: в первых, регион российского Дальнего Востока,

непосредственно граничивший с Кореей, в хозяйственном отношении представлял из себя территорию периферийного развития, экономически был освоен слабо и, с точки зрения потенциала внешней торговли, не имел необходимых ресурсов для ее развития; во-вторых, свои внешнеэкономические интересы в северной части Тихого океана Россия не смогла подкрепить военными аргументами. Слабость Российского тихоокеанского флота позволила другим империалистическим государствам постепенно выдавить Россию из точек соприкосновения их интересов: в Корею это сделала Япония, в Северной Америке – США.

Только в самом конце XIX в. Россия предприняла усилия, чтобы укрепить свое экономическое влияние в Корею, но эта попытка оказалась непродуктивной. А поражение Российской империи в Русско-японской войне 1904-1905 гг. окончательно решило «корейский вопрос» не в пользу России.

Литература:

1. Пак Б.Б. Русско-Корейский договор о сухопутной торговле 1888 г. – URL: <http://koryo-saram.ru/b-b-pak-russko-korejskij-dogovor-o-suhoputnoj-torgovle-1888-g>
2. Поездка в Корею Генерального Штаба Подполковника Вебеля, летом 1889 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. – Вып. XLI. – СПб., 1890. – 252 с.
3. Сборник торговых договоров и других, вытекающих из них соглашений, заключенных между Россией и иностранными государствами: сб. / Ред. Н.В. Верховский. – Петроград: Тип. Киришбаума (отд-ние), 1915. – 695 с.

Russian-Korean Trade and Economic Relations in the late 19th century

M.Z. Gibadullin, A.R. Nurieva
Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to the initial stages of establishing trade and economic relations between Russia and Korea. The authors assess the nature of relations between the two countries, and analyze the causes of "failure" of the Russian Empire attempts to gain a foothold in Korea.

Key words: open trading ports, customs tariff, trade agreement, trade and economic relations.